

МАКСИМ ГРЕК КАК НЕСТЯЖАТЕЛЬ

Н. А. КАЗАКОВА

В развитии русской культуры XVI в. большую роль сыграл Максим Грек — не только богослов и ученый переводчик, но и талантливый публицист, живо реагировавший на все важнейшие явления современной ему русской жизни. Между тем в советской литературе о Максиме Греке писали мало. Это тем более досадно, что в последние десятилетия в зарубежной историографии личность и деятельность Максима Грека являются предметом пристального внимания. Мы имеем в виду серию работ о Максиме Греке И. Денисова и в первую очередь его книгу «Максим Грек и Запад». Исследования И. Денисова, привлечшего новые материалы и установившего новые, неизвестные ранее факты (светское имя Максима Грека — Михаил Триволис, факт принятия им католичества в бытность в Италии др.), несомненно имеют большую ценность в источниковедческом и фактологическом плане. Но в них освещаются главным образом итальянский и византийский периоды жизни Максима Грека, пребыванию его в России уделяется мало внимания и, в соответствии с мировоззрением автора, стоящего на позициях воинствующего католицизма, при характеристике духовного облика Максима Грека подчеркивается сила западного, и в частности, католического начала. Максим Грек в изображении И. Денисова предстает как «грек, латинизированный, гуманист», чуждый климата России¹.

Работы И. Денисова получили обстоятельный разбор в рецензиях советских историков². Но для восстановления подлинного облика Максима Грека и его места в общественно-политической и культурной жизни России требуется всестороннее исследование историками-марксистами жизни и творчества Максима Грека с учетом вновь открытых материалов. Целью настоящей статьи является освещение одного из аспектов деятельности Максима Грека — критики вотчинных прав монастырей, благодаря которой Максим Грек оказался в лагере нестяжателей, обличавших русское монашество за владение селами, за эксплуатацию крестьян. О нестяжательстве в творчестве Максима Грека писали многие исследователи. Но характеристика нестяжательских воззрений Максима Грека давалась ими в статическом разрезе, на основе суммарных данных, извлеченных из его произведений, благодаря чему моменты, существенные лишь для какого-то одного отрезка идейной жизни Максима, переносились на его мировоззрение в целом. Автор данной статьи стремится путем уточнения датировки и сравнительного анализа нестяжательских произведений Максима Грека проследить эволюцию его отношения к вотчинным правам церкви, выявить факторы, под влиянием которых сформировались нестяжательские убеждения Максима Грека, и показать то значение, какое имела в общественно-политической жизни России критика Максимом Греком вотчинного быта монастырей.

Наиболее ранним обличающим монашество произведением Максима Грека является «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве»³. В первой части «Повести» Максим Грек подробно останавливается на уставе католического ордена картезианцев, организации и быте их монастырей. С сочувствием он пишет о строгих нравах картезианцев, отсутствии у них имений (картезианцы пропитание себе

¹ E. Denissoff. *Maxime le Grec et L'Occident*. Paris-Louvain, 1943, стр. 359, 368.

² А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. «Византийский временник», т. XIV, М., 1958, стр. 148—174; С. М. Каштанов. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах. Там же, стр. 284—295.

³ «Сочинения Максима Грека», т. III, Казань, 1897, стр. 145—157.

добывают путем ежедневного сбора милостыни в городах), соблюдении равенства между братьями, выборах игуменов на соборах, а не посредством «злата и серебра». Все эти достоинства картезианских монахов являются, с точки зрения Максима Грека, результатом исполнения ими своих обетов и евангельских заповедей. Чистоту и строгость жизни картезианцев Максим Грек противопоставляет нравственному упадку православного монашества⁴. Во второй части «Повести страшной» Максим Грек описывает проповеди Саванаролы, то влияние, какое он имел на жителей Флоренции, преследования Саванаролы и его мученическую смерть. О Саванароле Максим Грек пишет с глубочайшим пиететом, как о религиозно-нравственном реформаторе, муже, исполненном «всякия премудрости и разума богодохновенных писаний и внешнего наказания сиречь философии»⁵. В конце «Повести», желая избежать упреков в «латинстве», Максим Грек специально оговаривает, что написал ее с целью побудить православных монахов к исполнению обетов, дабы не оказаться хуже католических («да не обрящемся их втории») ⁶.

Таково содержание «Повести». В ней Максим Грек подвергает обличению главным образом бытовые и нравственные пороки монашества: пьянство, чревоугодие, сребролюбие, праздность, сквернословие, систему подкупов и взятков при выборах должностных лиц. Из пороков, имеющих социальный характер, он обличает «лихоимание и росты», т. е. ростовщичество. Но обличение ростовщичества у Максима Грека дается в самой общей форме: оно лишь упоминается наряду с другими пороками монашества, достойными осуждения, без раскрытия его форм и тяжелых последствий для низших классов. Максим Грек ограничивается указанием на положительный пример монахов-картезианцев, раздавших «своя стяжания и имения убогим... по евангельской заповеди» и не пекущихся о том, «как пристяжут изобилии стяжаний, имений, стада всяческих скотов, ниже велия сокровища на земли, злата и сребра...»⁷, не сопровождая это указание прямой критикой вотчинного быта монастырей, показом их стяжательства и эксплуатации монастырских крестьян. Отсутствует в «Повести» и обоснование тезиса о нестяжательности монастырей, если не считать приведенной выше общей отсылки на евангельские заповеди. Тема обличения вотчинного быта монастырей, составляющая стержень русского нестяжательства, находится в «Повести» лишь в зачаточном виде. «Повесть страшна и достопамятна» была написана Максимом в первые годы пребывания на Руси до осуждения его собором 1525 г.⁸

Тема обличения вотчинных прав монастырей с гораздо большей полнотой раскрывается Максимом Греком в таких его сочинениях, как «Инока Максима слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство» (далее: «Беседа ума с душой»), «Инока Максима слово о покаянии велми душеполезно верою и любовию нелицемерно внимающим его и с разумом трезвенным прочитающим его» (далее: «Слово о покаянии»), «Инока Максима Грека стяжание о известном иноческом жительстве, лица же стяжующихся Филоктимон да Актимон, сиречь любостяжательный да нестяжательный» (далее: «Стяжание любостяжателя с нестяжателем»).

В «Беседе ума с душой» Максим Грек использует излюбленный им прием аллегории: ум, воплощающий высокие нравственные принципы

⁴ «Сочинения Максима Грека», т. III, стр. 149—150.

⁵ Там же, стр. 158.

⁶ Там же, стр. 164—165.

⁷ «Сочинения Максима Грека», т. III, стр. 148, 153.

⁸ Основание для такого приурочения дает Зиновий Отенский, который, выступая в защиту вотчинных прав монастырей и полемизируя с доводами нестяжателей, относил написание «Повести» к тому времени, когда Максим пользовался милостью великого князя и получал «многообразные брашна» от его трапезы (Зиновий Отенский. Истинны показание к вопросившим о новом учении, Казань, 1863, стр. 893—895).

монашества, поучает душу, одержимую различными пороками, встречающимися в монастырском быту. С особенной страстностью ум призывает душу возненавидеть стяжание, как причину гибели души⁹. Получать необходимое для жизни следует от трудов рук своих, а отнюдь не от трудов подвластных поселян: «хлеб бо, рече, свой снем во вся дни живота твоего в поте лица твоего, неже стяжи под рукою поселянех аки владеть, а яко же христов ученик, живи апостольски, руками своими добываящи себе свой хлеб, вся своя прежде раздавши нищим по заповеде спасове, работати паче сама иным изволяй, неже под иными владети»¹⁰ — наставляет ум душу.

Яркие страницы в «Беседе ума с душой» Максим Грек посвящает общению «среброрезоимства», которому предавались монахи. Здесь Максим Грек не ограничивается ссылкой на евангельские заповеди, а привлекает материал из русской действительности, рисуя ужасные последствия ростовщичества для низших классов: «...руце же ея, забывшеся на милостыню простиратися нищетою губительною люде обуреваемым, — говорит ум о душе, — без милости, увы, бичи их истязают за лютых сребра резоиманий; отдати же неимущих или свободы лишим их и рабы себе прочее писаша их, или обнаживше их имений их, руками тощими, своих предел отгнаша бедных»¹¹.

Максим Грек отмечает здесь три формы наказания за невыплату долга: 1) истязание бичом — правож, 2) конфискацию имущества и сгон с земли, 3) обращение в рабство. Если первые две формы ясны (по словам Б. Д. Грекова, они представляют прием, очевидно, широко практиковавшийся на Руси), то третья форма, указанная Максимом Греком, требует комментариев. Долгового рабства Россия XVI в. не знала. Б. Д. Греков считает, что текст Максима Грека наиболее правдоподобное объяснение находит в практике служилых кабал, добровольно выданных на себя, а иногда и вымученных. Правда, служилая кабала не означала превращения в раба, ибо она давалась на срок, и после возврата денег, полученных кабалным, он становился свободным. Но в кабале имелась оговорка, что в случае просрочки уплаты взятых у хозяина денег, кабалный остается у него до уплаты «по вся дни». А так как кабалный, очевидно, не всегда мог расплатиться с хозяином и уйти, то в быту он мог трактоваться как холоп, хотя юридически он таким не был. Возможно, что Максим Грек, говоря о тяжелой участи должника, имел в виду бытовую, а не юридическую сторону описываемого им явления¹².

Максим Грек обличает тут и другие способы, к которым прибегала для увеличения своих богатств душа, одержимая духом стяжания: она вела постоянные тяжбы из-за земель с «селянами» и с «соседями своими», а в голодные годы использовала такой жестокий способ наживы, как спекуляцию хлебом¹³.

Помимо пороков, присущих монашеству в целом, Максим Грек в «Беседе ума с душой» клеймил и образ жизни высших иерархов, которых он изображал в виде все той же забывшей о своем назначении души. Согреваемая «нарочитыми» соболями, сладко питающаяся, окруженная рабами и слугами, душа посылала «на мужеубительные брани полки ратныя»; во время проезда по городу «на конях благородных» перед нею

⁹ «Сочинения Максима Грека», т. II, Казань, 1860, стр. 5, 8—9, 18.

¹⁰ Там же, стр. 29.

¹¹ Там же, стр. 38.

¹² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, М.—Л., 1946, стр. 777. В. М. Панях любезно указал автору на возможность иного толкования текста Максима Грека об обращении неимущего должника в рабство: по его мнению, Максим Грек имел в виду насильственное удержание «до искупа» во дворе заимодавца должника, давшего ростовую кабалу, — явление, отмеченное Б. А. Романовым в его комментарии к 82 статье Судебника 1550 г. («Судебники XV—XVI вв.», М.—Л., 1952, стр. 295).

¹³ «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 41, 44.

бежали слуги, криками и бичами разгоняющие толпы народа. Так выразительными штрихами Максим Грек создает картины жизни высшего иерарха-феодала, роскошью, пышностью, властью не отличающегося от светских феодалов. При этом Максим Грек все время подчеркивает, что роскошь и пышность высшего духовенства, праздная, сытая жизнь монашества создавались «кровью убогих», «лихвами и всякими делами неправедными»¹⁴.

В отличие от «Повести» главную силу своего обличительного огня в «Беседе» Максим Грек направляет против вотчинных прав монастырей и обусловленных ими пороков социального характера — стяжательской деятельности монашества, эксплуатации крестьян, ростовщичества. Благодаря этому тема обличения вотчинных прав монастырей приобрела в «Беседе» оттенок критики социальной действительности. Более глубокое обоснование получил в «Беседе» тезис о нестяжательности монастырей: для отрицания права монастырей на эксплуатацию крестьянского труда была использована евангельская заповедь о том, что каждый должен добывать хлеб своими руками. Эта заповедь составляет идейную основу «Беседы». Нестяжательские мотивы звучат в «Беседе ума с душой» с гораздо большей силой и отчетливостью, чем это имело место в «Повести страшной и достопамятной».

К «Беседе ума с душой» близко и по жанру, и по идейной направленности «Слово о покаянии». «Слово о покаянии» также представляет собою поучение, обращенное к обуреваемой пороками душе (в конце автор обращается непосредственно, без аллегорических образов, к монашеству), пронизанное призывом покаяться в грехах и следовать заповедям божиим. Интересно то понимание следования заповедям божиим, какое дает здесь Максим Грек. Приведя евангельскую заповедь: «Аще кто хочет во след мене ити, да отвержется себе самого, и да возмет крест свой и во след мене да ходит», Максим Грек далее поясняет: «Кто ли сия три совершил? иже единого отрекся есть всех имений своих и потом не желает их, но от всея души оттрясл есть я даже до умертвия своего, аки возбраняюща ему шествия, еже к вышним...»¹⁵. Таким образом, следование заповедям божиим означает для монахов с точки зрения Максима Грека отказ от имений, полное и постоянное нестяжание.

Если не считать нескольких выразительных штрихов, при помощи которых Максим Грек рисует недостойные приемы, использовавшиеся монахами для достижения высших должностей (взятки, угодничество)¹⁶, то в «Слове о покаянии», в противоположность «Беседе ума с душой», все обличительное полотно занимает лишь один образ — образ монастырского крестьянина, изнуряемого непосильным трудом, постоянным недоеданием, разоряемого непомерными оброками и ростовщичеством.

«Тии же окаяннии,— пишет Максим Грек о «селянах»,— беспрестани тружajúщиеся и томимы в житейских потребах наших, и обильна сия нам уготовляюще, во скудосте и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуше, многжды же и без соли от последния нищеты. Мы же не точию безчувственно и безмилостно к той горцей их скудости пребываем и ни единого утешения их сподобляем, да еще заповедь имуще милостивно прилежати с живущих в убожестве и скудости житейских потребах, но и зело безчеловечно прирастаем им таковую скудость их изязании повселетными тяжчайших ростов о заемном их серебре нашем... но аще кто, за последнюю нищету, не может дати годовый рост в приидущий год, оле безчеловечия! другой рост истязуем от него, и аще не могут отдати, разграбим стяжанища их и от своих сел гоним руками тщиими...» Несомненно, что Максим Грек, говоря о разграблении «стяжанища» крестьянина-должника и об изгнании его из монастырских вла-

¹⁴ Там же, стр. 39—40, 43—44.

¹⁵ Там же, стр. 122.

¹⁶ Там же, стр. 127—128.

дений имел в виду сгон с земли лишнего имущества за долги крестьянина. Но если монастыри сгоняли с земли разоренных крестьян-должников, то крестьян, стремившихся по собственному желанию уйти из их владений, они, как указывает Максим Грек, задерживали: «К сим же,— пишет, он,— аще кто от них изнемог тягостию налагаемых им беспрестани от нас же трудов же и деланий, восхошет инде негде пересилитися, не отпускаем его, увы аще не положит установленный оброк, о нем же толика лета жил есть в нашем селе; бесчисленных трудов и потов и страданий его, их же положил в наших потребных служениях, забывшие время бедного его жития, оже в селех наших, зело безчеловечно предаем»¹⁷. Здесь, как справедливо отметили Б. Д. Греков и И. И. Смирнов, комментировавшие этот текст, Максим Грек показал применение к жизни 57 статьи Судебника 1497 г.¹⁸, устанавливавшей уплату крестьянином, уходящим с земли феодала, «пожилого» размер которого определялся количеством прожитых лет («толика лета жил есть в нашем селе» — говоря словами Максима Грека). Максим Грек показывает, как монахи использовали нормы Судебника для того, чтобы воспрепятствовать выходу крестьян и закрепить за собой рабочие руки. По яркости, правдивости, полноте изображения жизни феодально-зависимого крестьянина картина, нарисованная Максимом Греком в «Слове о покаянии», не имеет равных в русской литературе XVI в. И это обстоятельство придает общению вотчинных прав монастырей в «Слове о покаянии» особую силу и особую социальную остроту.

Иным по жанру нежели голько что рассмотренные произведения Максима Грека, является «Стязание любостяжателя с нестяжателем», оно построено в форме состязания двух сторон. В нем любостяжатель и нестяжатель на равных правах излагают свои позиции и каждый имеет полную возможность опровергнуть доводы другого. Однако это равенство кажущееся: сочувствие автора на стороне нестяжателя, соответственно и аргументы последнего богаче и разнообразнее и ему в споре с любостяжателем предстает последнее слово. Стержень спора составляет вопрос о том, что должно служить источником существования монастырей. С этим вопросом обращается к нестяжателю любостяжатель, начинающий стязание. Он спрашивает, что лучше, имея «довольно стяжаний», всегда жить внутри обители, пребывая в молитвах, или же в поисках пищи скитаться из города в город, из страны в страну, хвалить давшего милостыню и укорять и злословить отказавшего¹⁹. Как мы видим, формулировка вопроса любостяжателем такова, что включает оправдание вотчинного быта монастырей. В ходе спора любостяжатель приводит дополнительные доводы в пользу своей точки зрения: древние пророки — Авраам, Исаак, Иаков и другие владели богатствами и именьями; согласно Ветхому закону священникам и левитам для прокормления отводились города и села; монахи монастырей, владеющих вотчинами, по существу являются нестяжателями, так как ни у кого из них нет ничего своего, но все общее²⁰.

Против доводов любостяжателя с развернутой и страстной аргументацией выступает нестяжатель. Основной аргумент любостяжателя — что наличие у монастырей «довольно стяжаний» помогает монахам сосредоточиться на выполнении своих обетов, освобождая их от соприкосновения с миром, нестяжатель опровергает при помощи сопоставления евангельских заповедей, которым должны следовать иноки, и вотчинного быта монастырей. Стержень сопоставления составляет показ противоречия между евангельской заповедью нищелюбия, «иже есть главизна всем

¹⁷ «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 130—132.

¹⁸ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 776—777; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, М., 1949, стр. 42.

¹⁹ «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 89.

²⁰ Там же, стр. 92—93, 101—102, 114.

божественным заповедом»²¹ и жизнью любостязательного монашества. Показывая это противоречие, Максим Грек с гневом и возмущением пишет об иноках, которые «свое серебро чрез заповеди законныя с ростом взаим даяху, или росты на ростех истязяху от убогих» и с глубоким сочувствием о «бедных селянах» изнуряемых «всяческими нашими работами и тяжчайших ростов истязаний». В «Стязании любостязателя с нестяжателем» вновь и вновь повторяются картины алчного лихоимания монахов и бесконечных трудов и страданий подвластных им крестьян, уже известные нам по «Беседе ума с душой» и «Слову о покаянии»²². Снова и снова Максим Грек подчеркивает тлетворное влияние вотчинного быта на нравственность монахов²³. Свою аргументацию в пользу нестяжательности монастырей Максим Грек дополняет новыми доводами. По поводу ссылки любостязателя на библейских пророков, владевших имениями, Максим Грек замечает, что согласно данному им закону, они жили с женами, детьми, домами и рабами, и им не возбранялось «человечески жительствовати и имениями и рабом предстояти». И тем не менее, живя «человечески» (как мирские.— *Н. К.*), они заботились о нищих и обидимых, чего не делают иноки, «отрекшиеся мирского жития»²⁴. Указание любостязателя на Ветхий закон, предписавший предоставлять священникам и левитам для прокормления города и села, Максим Грек отводит словами апостола Павла: «ветхая мимоидаша и се вся быша нова». Поэтому иноки должны следовать не Ветхому завету, а евангельским заповедям «вкупе с Павлом фивийским, Антонием же и Пахоимем, Еуфимием же и Саввою освященным и с прочими преподобными начальники божественного жития»²⁵. Отрицание вотчинных прав монастырей с религиозно-нравственных позиций усиливается, таким образом, доводами «исторического» порядка (ссылкой на основоположников монастырских уставов).

В заключение «Стязания» Максим Грек переходит к сарказму. По поводу утверждения любостязателя о том, что монахи монастырей, владеющих вотчинами, достойны называться нестяжательными, так как ни у кого из них нет ничего своего, но все общее, Максим Грек устами нестяжателя язвительно замечает, что это все равно, как если бы многие участвовали в разбое, а потом пойманный утверждал, что он неповинен, так как все награбленное осталось у других, а он ничего не взял²⁶.

Аргументация Максима Грека против вотчинных прав монастырей в «Стязании любостязателя с нестяжателем» гораздо шире и многообразнее, чем в его других сочинениях. Это произведение как бы подводит итог размышлениям Максима Грека по вопросу об организации монастырей и его пламенной обличительной деятельности, направленной против любостязательного монашества.

Остановимся на вопросе о датировке нестяжательских произведений Максима Грека. Если написание «Повести страшной и достопамятной» все исследователи на основе свидетельства Зиновия Отенского относят к первым годам пребывания Максима в России (до суда над ним в 1525 г.)²⁷, то по поводу времени написания «Беседы ума с душой», «Слова о покаянии», «Стязания любостязателя с нестяжателями» в литературе нет единого мнения. А. Павлов, Е. Голубинский, В. С. Иконников датировали их также временем до собора 1525 г., не приводя однако ни-

²¹ Там же, стр. 98.

²² Там же, стр. 94—96, 98—100, 104—106.

²³ Там же, стр. 95.

²⁴ Там же, стр. 93—95.

²⁵ Там же, стр. 103.

²⁶ Там же, стр. 114—115.

²⁷ См. выше, стр. 63, прим. 8.

каких аргументов²⁸. В. Ф. Ржига полагал, что все эти произведения написаны позже, между 1531 и 1537 гг. в период тверского заключения Максима Грека²⁹. Верхнюю грань датировки — 1537 г. В. Ф. Ржига устанавливает на основании хронологического перечня произведений Максима Грека, имеющегося в его сочинении «Ответ вкратце» и заканчивающегося «Словом по поводу тверского пожара 1537 г.». Нижнюю грань — 1531 г. он определяет, руководствуясь замечанием Зиновия Отенского о том, что «Слово о покаянии» и «Стязание любостяжателя с нестяжателем» были написаны Максимом Греком в досаде на свое заточение, и данными, свидетельствующими, что в Твери Максим Грек мог писать (в период волоколамского заточения писать ему было запрещено)³⁰.

Наблюдения В. Ф. Ржига нуждаются в поправках. Одна из них касается датировки «Беседы ума с душой», которую В. Ф. Ржига датировал 1531—1537 гг. на том основании, что она упоминается в «Ответе вкратце» наряду со «Словом о покаянии», и «Словом по поводу тверского пожара 1537 г.» Но эта ссылка ошибочна. В «Ответе вкратце» Максим Грек, перечисляя целый ряд своих литературных трудов — перевод псалтыри, произведения против латинян, еретиков и др. — пишет, в частности: «И ина же различна и немала списах — о добродетели и злобе, правде же и на неправду, о целомудрии же и на нечистоту, о покаянии же иночском житии, о нестяжании и многоимении и ина различна, в них же есть и о сожжении бывшего тверского пожара»³¹. В этом перечне из нестяжательских произведений Максима Грека названо определенно «Слово о покаянии» («о покаянии же иночском житии») и, вероятно, «Стязание любостяжателя с нестяжателем» («о нестяжании и многоимении»). Что касается «Беседы ума с душой», то она в перечне не упоминается вовсе. Поэтому установленная В. Ф. Ржигой датировка основных нестяжательских произведений Максима Грека 1531—1537 гг. приложима к «Слову о покаянии» и «Стязанию любостяжателя с нестяжателем» (напомним, что о них говорит и Зиновий Отенский)³² и не может быть распространена на «Беседу ума с душой».

Для датировки «Беседы ума с душой» необходимо использовать судный список Максима Грека. Из содержания судного списка явствует, что одним из основных обвинений, предъявлявшихся Максиму на соборах 1525 и 1531 гг., было обвинение в критике им вотчинных прав церкви: «Да ты же, Максим, святые божия соборныя и апостольские церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжание, и люди, и доходы, и села имеют», говорил митрополит Даниил в обвинительной речи³³. Таким образом, из речи митрополита следует, что еще до предания суду Максим Грек выступал с развернутыми обличениями вотчинных прав церкви и, что, следовательно, его нестяжательские убеждения были вполне оформлены до его заключения. Но в «Повести страшной и достопамятной» — единственном из интересующих нас произведений Максима Грека, которое В. Ф. Ржига датирует временем до заключения Максима, критика вотчинных прав церкви дана, как мы видели, лишь в зачаточной форме. Если согласиться с В. Ф. Ржигой, то окажется непонятным, на каких материалах строил свои обвинения митрополит. Это недоумение исчезает, если предположить, что «Беседа ума с душой» была написана

²⁸ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, т. I, Одесса, 1874, стр. 79—82; Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина, М., 1900, стр. 692—695; В. С. Иконников. Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 482.

²⁹ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I, Л., 1934, стр. 10, прим. 4—5.

³⁰ «Судный список Максима Грека». ЧОИДР, 1847, № 7, отдел II, стр. 4.

³¹ «Московитянин», 1842, № 11, стр. 85.

³² Зиновий Отенский. Указ. соч., стр. 908—909.

³³ ЧОИДР, 1847, № 7, отдел II, стр. 5.

Максимом Греком до 1525 г.: ее содержание могло дать достаточный материал для обвинения.

Поэтому мы предлагаем временем до заключения Максима Грека датировать не только «Повесть страшную и достопамятную», но и «Беседу ума с душой». Мы полагаем также, основываясь на сравнении степени разработки нестяжательской темы в этих произведениях, что «Повесть страшная» была написана Максимом в самые первые годы пребывания его на Руси (1518—1519 гг.), «Беседа ума с душой» — позже (может быть, в начале 20-х годов), когда Максим Грек больше познакомился с русской действительностью и испытал сильное влияние со стороны Вассиана Патрикеева (об этом дальше).

Что касается датировки «Слова о покаянии» и «Стязания любостяжателя с нестяжателем», то, соглашаясь с В. Ф. Ржигой, относившим оба произведения к 1531—1537 гг., мы считаем, что «Стязание» было написано позже «Слова», так как оно представляет собой как бы итог всей публицистической деятельности Максима Грека, направленной против вотчинного быта монастырей.

Если рассмотренные нами сочинения Максима Грека были посвящены обличению монашества, то против пороков белого духовенства было направлено «Слово по поводу тверского пожара 1537 г.» Оно построено в форме аллегорической беседы бога с тверским епископом Акакием. Спрашивая бога о причинах страшного несчастья, обрушившегося на Тверь, епископ указывает, что в тверских церквях всегда совершались пышные службы. «Скажи нам, в киих согрешихом?» — недоуменным вопросом заканчивает епископ свое обращение к богу³⁴. Бог отвечает, что ему не нужны торжественные службы и многоценные иконы, и приношения, исходящие «от неправедных и богомерских лихв, лихоимания же и хищения чюжих имений». И далее бог обвиняет тверское духовенство в нарушении его заповедей и недостойном образе жизни³⁵. Устами бога Максим Грек подчеркивает, что роскошная жизнь духовенства создавалась за счет разорения убогих: «вы же убогия и сироты и вдовицы... безщадно и безмилостивно расхищаете, обидите и убиваете всяким образом богомерскаго лихоимства», а сами «на серебре же серебро и на злате злато себе несытно на земли скопите лихвами беззаконными и скверными прибытки»³⁶. И еще одну черту из жизни духовенства обличает Максим Грек устами бога — честолубие, тщеславие, стремление превзойти друг друга роскошью, пышностью, саном³⁷.

«Слово по поводу тверского пожара 1537 г.» направлено против пороков тверского духовенства. Но нарисованные в нем Максимом Греком картины были типичны для жизни верхнего слоя белого духовенства вообще и звучали поэтому как обличения русского белого духовенства в целом. По своей идейной направленности «Слово по поводу тверского пожара» примыкает к нестяжательским произведениям Максима Грека.

Вопросом о формировании воззрений Максима Грека на религиозно-церковную жизнь, об идейных истоках, которыми они питались, наиболее полно в научной литературе занимались В. С. Иконников, В. Ф. Ржига и И. Денисов. В. С. Иконников решающее значение в генезисе аскетических взглядов Максима Грека отводил влиянию Саванаролы³⁸. В последнее время нерусский генезис аскетизма Максима Грека подчеркнул И. Денисов. Рассматривая, в соответствии со своей общей концепцией, все мировоззрение Максима Грека как продукт латинско-византийской культуры, И. Денисов и взгляды Максима Грека на монашество объяс-

³⁴ «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 260—261.

³⁵ Там же, стр. 266, 268.

³⁶ Там же, стр. 267—268.

³⁷ Там же, стр. 271.

³⁸ В. С. Иконников. Указ. соч., стр. 561 и сл.

няет влияниями католических орденов и Саванаролы, с одной стороны, и особенностей монашеской жизни на Афоне — с другой, отдавая, однако, предпочтение первым³⁹. Противоположную точку зрения высказал В. Ф. Ржига. Отмечая пиетет Максима Грека по отношению к Саванароле он, тем не менее, решающую роль в формировании нестяжательских убеждений Максима Грека отводит воздействию Вассиана Патрикеева. Развивая мельком высказывавшиеся ранее в литературе замечания об элементах сходства между обличающими монашество произведениями Вассиана Патрикеева и Максима Грека, В. Ф. Ржига приходит к выводу, что все важнейшие сочинения последнего против стяжательного монашества «находились в известной связи с полемикой Вассиана и были в значительной мере ею подготовлены»⁴⁰.

Нам кажется, что вопрос об идейных истоках нестяжательства Максима Грека надо рассматривать дифференцировано, применительно к различным этапам его творчества.

В более ранней «Повести страшной и достопамятной» отсутствуют картины эксплуатации монастырских крестьян и построенное на материале русской действительности противопоставление вотчинных прав «евангельским заповедям, то есть то, что составляло наиболее характерную особенность творчества Вассиана Патрикеева⁴¹. Необходимость исправления монашества и положительные идеалы, которым надлежит следовать, обосновываются в «Повести» западным материалом: используется пример ордена картезианцев и Саванаролы, реформировавшего возглавляемый им монастырь доминиканцев во Флоренции. Идеализация Максимом Греком католических орденов присутствует и в опубликованном В. Ф. Ржигой ранее неизвестном «Послании» Максима Грека о францисканцах и доминиканцах, адресованном неизвестному архиепископу и посвященном вопросу об организации монашества. Максим Грек рассказывает в нем о том, что «сам своим очима и ушю и видех и слышах в юности моея время довольно пожив в стране италийской...» Он с похвалой отзывается о францисканцах и доминиканцах, которые «подобно древним нестяжательно и безмятежно житие любезно проходят и делом съвершают. Едино у них дело прилежно и едино стяжание любимо — богодухновенных писаний поучение непрестанно и еже по церквах учить без лени люди словом Божиим». Чтобы избежать упреков со стороны своего православного адресата и читателей, Максим Грек специально оговаривается, что он хвалит не «неправая учения», «неправославных в всем христиан», но лишь «похвальная их начинания». Как правильно отметил В. Ф. Ржига, тема послания в значительной степени примыкает к «Повести страшной и достопамятной»⁴². Близость между обоими произведениями и по теме, и по ее разработке настолько велика, что наводит на мысль и о хронологической близости этих произведений. Мы полагаем, что «Послание о францисканцах и доминиканцах» также, как и «Повесть страшная и достопамятная», было написано в первые годы пребывания Максима Грека на Руси.

Идеализация Максимом Греком католических орденов получает новое осмысление в свете установленных И. Денисовым неизвестных ранее фактов западного периода жизни Максима: Михаил Триволис в 1502—1504 гг. в бытность свою во Флоренции был монахом доминиканского монастыря св. Марка (настоятелем которого ранее был Саванарола)⁴³. Покинув монастырь, он вскоре вернулся к православию. Католическое

³⁹ Е. Denissoff. Указ. соч., стр. 298—300, 320.

⁴⁰ В. Ф. Ржига. Указ. соч., стр. 7, 15—17.

⁴¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, М.—Л., 1960, стр. 104—109.

⁴² В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека. «Bysantinoslavica», т. VI, Prague, 1935—1936, стр. 99—101, 87.

⁴³ Е. Denissoff. Указ. соч., стр. 247, 261—263.

прошлое Максима Грека объясняет западные реминисценции в его творчестве. Но сами факты принятия Максимом Греком католицизма и вступления его в орден доминиканцев требуют в свою очередь объяснения.

В этой связи заметим, что в своих произведениях, написанных в первые годы пребывания в России, Максим Грек ставит в пример православному монашеству не католические ордена вообще, а ордена «нищенствующие»; ему импонировал не католицизм вообще, а католицизм в интерпретации его «нищенствующими» орденами (орден картезианцев он также наделял чертами нищенствующего). Максима Грека интересовала не объективная роль нищенствующих орденов, — он ее просто не понимал, — а написанные на их знамени заповеди нестяжания и нищелюбия. Нищенствующие ордена являлись для Максима Грека живым примером возможности исправления монашества и, может быть, именно это было одним из обстоятельств, привлекших Максима Грека к католицизму. Но наибольшую роль во временном повороте Максима Грека к католицизму и в формировании его взглядов на монашество в итальянский период жизни сыграли, конечно, учение и деятельность Саванаролы. Пламенные проповеди Саванаролы, бичевавшего роскошь и разврат духовенства, его кипучая деятельность по преобразованию религиозно-общественной жизни Флоренции, сопровождавшаяся, в частности, ограничением ростовщичества, реформа возглавляемого Саванаролой доминиканского монастыря св. Марка на основе отказа от владения имениями — все это произвело огромное впечатление на Максима Грека, переживавшего как раз глубокий духовный кризис (отход от гуманизма и религиозные искания).

Впоследствии разочаровавшись в католицизме и вернувшись к православию, Максим Грек тем не менее долго сохранял в памяти образ Саванаролы и «похвальные начинания» «монахов неправой веры». Приехав в Россию, столкнувшись с упадком нравственности русского монашества, он решил поставить ему в пример то положительное, что видел на Западе. «Повесть страшная и достопамятная» пронизана впечатлениями, полученными Максимом на Западе, и связывать ее с влиянием Вассиана Патрикеева, как это делал В. Ф. Ржига, у нас нет оснований.

В связи с опубликованием в последнее время неизвестных ранее сочинений Максима Грека встает вопрос еще об одном источнике формирования аскетических взглядов Максима Грека, с которым он сталкивался в дорусский период своей жизни. Это — традиции афонского монашества. В. Ф. Ржига и Н. В. Сеницына опубликовали «Послания» Максима Грека об Афонской горе. «Послание», опубликованное Н. В. Сеницыной, было написано вскоре после приезда Максима Грека на Русь, в 1518—1519 гг., в ответ на вопросы Василия III, интересовавшегося устройством афонских монастырей. «Послание» изданное В. Ф. Ржигой, относится к последнему периоду жизни Максима; в нем Максим Грек по просьбе неизвестного духовного лица также описывает афонские порядки⁴⁴. В обоих «Посланиях» Максим Грек с похвалой отзываясь о порядках Святой горы, подчеркивая обязанность афонских монахов самим трудиться. Он указывает, что на Афоне «все бо монастыри без имених рекше без сел живут, одними своими рукоделии и непрестанными труды и в поте лица своего добывают себе вся потребна житийская. Нест у них в казне серебро лишне лежаще, ни в людех по здешнему обычаю; чиста ест Святаа гора от сиевых непохвальных прибытков». При монастырях имеются только виноградники, а за пределами Святой горы — пашни, обрабатываемые «мужиками-наймитами»⁴⁵.

⁴⁴ Н. В. Сеницына. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.). «Византийский временник», т. XXVI, М., 1965, стр. 110—136; В. Ф. Ржига. Указ. соч., стр. 85—87, 95—99.

⁴⁵ В. Ф. Ржига. Указ. соч., стр. 96.

Как мы видим, главным, что привлекало Максима Грека в организации афонского монашества, являлось отсутствие на Афоне вотчинновладения, следствием чего были отсутствие эксплуатации чужого труда (наем крестьян в глазах Максима Грека эксплуатацией, очевидно, не был) и обязанность монахов трудиться самим. В качестве другой важнейшей черты афонского монашества Максим Грек называет отсутствие ростовщичества.

Казалось бы, что Максим Грек для обличения русского монашества должен был использовать пример афонских монахов и особенно в своих ранних сочинениях, когда сильны были впечатления дорусского периода его жизни. И тем не менее этот пример Максим Грек нигде не использует. На вопрос о том, почему он так поступал, мы можем дать только предположительный ответ. Нам кажется, что отсутствие ссылки на афонские традиции и аргументация лишь западным материалом в «Повести страшной» была связана с ее идейным замыслом — укорить русское монашество примером монахов «неправой веры» с тем, чтобы таким образом сильнее воздействовать на него и побудить к исправлению. Что касается последующих нестяжательских произведений Максима Грека, то в них он оперировал, как это мы постараемся сейчас показать, новой аргументацией, не связанной с дорусским периодом его жизни. Вообще же афонские традиции несомненно оказали влияние на формирование взглядов Максима Грека на монашество (до приезда в Россию) — в противном случае в разные периоды своей жизни он не вспоминал бы с такой неизменной симпатией о порядках «Святой горы».

Перейдем к вопросу об идейных и литературных влияниях, обусловивших содержание и аргументацию основных нестяжательских произведений Максима Грека — «Беседы ума с душой», «Слова о покаянии», «Стизания любостяжателя с нестяжателем».

Связывая все обличающие монашество сочинения Максима Грека с влиянием Вассиана Патрикеева, В. Ф. Ржиги аргументировал это положение анализом как раз интересующих нас сейчас произведений Максима Грека: «ясно, что мы находим в сочинениях Максима Грека и Вассиана не только один и тот же общий мотив обличений, но совпадение, захватывающее и отдельные существенные элементы их у того и другого. И Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплуатации: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли и на спекуляцию хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в конкретных чертах, какими описывается у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства... У Максима можно даже наблюдать, как будто некоторые следы литературной реминисценции трудов Вассиана»⁴⁶. Наблюдения В. Ф. Ржиги можно продолжить. Нестяжательские произведения Максима Грека, начиная с «Беседы ума с душой», сближает с сочинениями Вассиана и аргументация в пользу нестяжательности монастырей, используемая обоими публицистами. Основной аргумент, на которой они опирались, составляли евангельские заповеди⁴⁷. Оба использовали также «историческую» аргументацию — ссылки на святых, создателей монастырских уставов и основателей монастырей⁴⁸.

В обличениях Вассианом и Максимом Греком белого духовенства имеется также целый ряд совпадающих черт: Максим Грек в «Слове по поводу тверского пожара 1537 г.», также, как и Вассиан в «Слове ответном», клеймит духовенство за роскошь, пышность, множество слуг,

⁴⁶ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики..., стр. 17.

⁴⁷ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 224, 238, 257; «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 18.

⁴⁸ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 224—225, 265; «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 103.

чревоугодие и, особенно, за то, что источником его богатств являлись «лихоимание», «росты» и разорение бедняков⁴⁹.

Сближает Максима Грека с Вассианом Патрикеевым и его положительная программа. Идеалом Вассиана на протяжении всей его публицистической деятельности являлись нестяжательные монастыри, в которых все необходимое для жизни монахи добывали своим трудом, лишь в случае крайней необходимости принимая милостыню (содержание ее Вассиан не раскрывает) от «христолюбцев». Максим Грек в течение всего рассматриваемого нами периода его жизни также пропагандировал нестяжательность монастырей. Но взгляды его на источник существования монахов претерпели эволюцию. В «Повести страшной и достопамятной» Максим Грек ставит в пример картезианцев, живущих ежедневным сбором милостыни (продуктов питания). В первом пункте «Стязания любостязателя с нестяжателем» он вновь возвращается к мысли о милостыне как средстве существования монахов. Однако в других местах того же «Стязания», а также в «Беседе ума с душой» и «Слове о покаянии» Максим Грек настойчиво проводит утверждение о том, что монахи должны заниматься производительным трудом — питаться своими руками. В примечании к имеющимся в «Кормчей» Вассиана словам «приградие селное» Максим Грек поясняет, что под «приградиями селными», которыми могли владеть монастыри, следует понимать, «пашни и винограды, а не села с житейскими христианы»⁵⁰. Следовательно, отрицая за монастырями право на владение вотчинами, Максим Грек признавал за ними право владения земельными участками, обрабатываемыми самими монахами. Мы полагаем, что именно так Максим Грек представлял себе материальную базу монастырей в период окончательного оформления своих взглядов на монашество. Возвращение же к мысли о милостыне в «Стязании любостязателя с нестяжателем» было скорее всего полемическим приемом (лучше милостыня, чем владение вотчинами). Впрочем, возможно, Максим Грек, также, как и Вассиан, допускал милостыню в качестве дополнительного источника существования монахов⁵¹.

Если взгляды Максима Грека и Вассиана на организацию монастырей совпадали, то отношение их к вопросу о владельческих правах церквей было, по-видимому, неодинаковым. Вассиан выступал против церковного землевладения в целом, признавая право владения селами лишь за соборными церквями с тем, чтобы доходы с них шли согласно каноническим правилам — для нужд клира и целей благотворительности⁵². Максим Грек в рассмотренных нами собственно нестяжательских произведениях своего отношения к вопросу о церковных вотчинах не высказывал. Лишь в своем более позднем произведении (конец 40-х гг.) — «Главах поучительных начальствующим правоверно» он пишет, что «возложена святым божим церквам имениа же и стяжания на прокормление нищим и сиротам»⁵³, т. е. за всеми категориями церквей признает право на владение имуществами, в том числе и населенными землями («имения»)

⁴⁹ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 266—268; «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 260—276.

⁵⁰ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 236.

⁵¹ Н. В. Сеницына считает, что нестяжательские воззрения Максима Грека включали положение о допустимости применения монахами наемного труда; при этом она ссылается на «Послание» Максима Грека неизвестному об Афонской горе (Н. В. Сеницына. Указ. соч., стр. 126—127). Но Максим Грек в «Послании» говорит о применении монахами наемного труда лишь описывая устройство афонских монастырей, а отнюдь не для раскрытия того идеала, которому должны следовать монахи. В других же его произведениях упоминаний об использовании монахами наемного труда вообще нет. Поэтому мысль Н. В. Сеницыной нам кажется неубедительной.

⁵² Н. А. Казаков. Указ. соч., стр. 81—85.

⁵³ «Сочинения Максима Грека», т. II, стр. 175. Датировку см. В. Ф. Ржигала. Указ. соч., стр. 62.

с тем, чтобы доходы с них шли на нужды благотворительности. Таким образом, отношение Максима Грека к владельческим правам церкви было более умеренным, нежели Вассиана.

Еще более умеренную позицию занимал Максим Грек в вопросе о путях проведения реформы монастырей. Вассиан решительно высказывался за секуляризацию монастырских и церковных земель⁵⁴. Максим Грек нигде прямо не говорил о том, как он представлял себе проведение реформы. Но поскольку, с одной стороны, он нигде не упоминает о насильственных мерах, а с другой — обращается везде к самим монахам, постольку, очевидно, реформу он мыслил как исходящую изнутри монастырей в виде добровольного отказа их от своих вотчинных прав. Таковы различия, имевшиеся во взглядах Вассиана и Максима Грека на вопросы церковно-монастырской жизни.

Однако в мировоззрении и литературной деятельности обоих публицистов было, как мы видели, гораздо больше сближающего их, нежели различающего. И если Максим Грек прибыл в Россию с определенными взглядами на монашество, сложившимися в период его пребывания в Италии и на Афоне, то в дальнейшем его мировоззрение проделало большую эволюцию, и он, в значительной степени под воздействием Вассиана, перешел на позиции русских нестяжателей.

Но не только с влиянием Вассиана связано окончательное формирование взглядов Максима Грека на церковную жизнь. Он полнее и разностороннее, чем Вассиан, отразил в своих произведениях русские церковно-монастырские нравы. Максим Грек с гораздо большей глубиной показал положение монастырских крестьян: он обратил внимание не только на разорение крестьян ростовщицеством, тяжбами из-за земли, хлебными спекуляциями, как это сделал Вассиан, но отметил и постоянное недоедание крестьян — нехватку даже хлеба без соли, тяжесть налагаемых на них «трудов и деланий», и, наконец, дал замечательную иллюстрацию к осуществлению на практике духовными феодалами 57 статьи Судебника.

Если общение с Вассианом побудило Максима Грека заняться изучением русских церковно-монастырских порядков и обратить внимание на вопиющее противоречие вотчинных прав монастырей обетам иноков, то сама русская церковная действительность с ее острыми социальными конфликтами — богатством монастырей и бедственным положением крестьян — оказала огромное непосредственное влияние на Максима Грека и способствовала превращению его в русского писателя. Не латинизированным греком, чуждым климату России (как это утверждает И. Денисов) был Максим Грек в Москве, а деятелем русской культуры, прочно вошедшим в число крупнейших писателей — нестяжателей, страстных обличителей пороков русской феодальной церкви.

Выступая против владения монастырей вотчинами Максим Грек стремился добиться исправления монастырей и возвращения их к первоначальной, как он думал, нестяжательности. Такова была субъективная цель обличений Максима Грека. Но в условиях Русского государства XVI в. они имели иное объективное значение. В них, в религиозной оболочке находили свое выражение определенные классовые интересы. Обличая монахов за владение селами, за эксплуатацию крестьян, Максим Грек, так же, как и другие писатели-нестяжатели, не касался вопроса о положении крестьян во владениях светских феодалов, хотя оно было не менее тяжелым, чем в монастырских вотчинах. И это дает основание рассматривать нестяжателей, как идеологов светских феодалов, заинтересованных в ликвидации монастырского землевладения. Максим Грек, тесно связанный с боярскими кругами, был выразителем интересов боярства, для которого ликвидация монастырского землевладения означала

⁵⁴ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 84—86.

устранение экономического конкурента, поглощавшего родовые вотчины бояр, а также возможность решить вопрос об обеспечении дворянства землею за счет монастырей и тем самым отвести от своих вотчин опасность конфискации. Но этим объективное значение антимонастырских выступлений Максима Грека не ограничивалось. Учение нестяжателей использовалось великокняжеской властью для идейного обоснования секуляризационных планов, целью которых являлось расширение земельного фонда, необходимого для испомещения дворян. В 1503 г., когда Иван III поставил на церковном соборе вопрос о секуляризации церковных земель, с идейным обоснованием великокняжеского проекта выступил основоположник нестяжательства Нил Сорский. В 1550 г., готовясь к постановке на Стоглавом соборе вопроса о праве монастырей владеть селами, Иван IV советовался с крупнейшим представителем нестяжательства середины XVI в. Артемием Троицким. Доверенным лицом Василия III в период, когда он проводил политику ограничения иммунитетных прав монастырей, был Вассиан Патрикеев⁵⁵. В это же время расположением Василия III пользовался и Максим Грек. Критика Максимом Греком вотчинных прав монастырей соответствовала, таким образом, одному из направлений политики Русского централизованного государства.

Эта критика имела еще один аспект. Сочинения Максима Грека, рисующие яркие и правдивые картины праздной жизни монахов и бесчеловечной эксплуатации ими крестьян, срывали с господствующей церкви маску показного благочестия и способствовали пробуждению в обществе критического отношения к церкви и развитию ростков вольномыслия. И, наконец, выступления Максима Грека против владельческих прав монастырей, привлекавшие внимание современников к вопросу о положении феодально-зависимого крестьянства, отвечали в известной мере и интересам последнего. Вот почему выразитель чаяний угнетенных классов Русского государства, наиболее радикальный из еретиков древней Руси Феодосий Косой с таким одобрением отзывался о сочинениях Максима Грека: «Но монастыри, заповеди преступающие нестяжания, имеют села. И о том добре писа князь Вассиан-инок, тако же и Максим Грек много о том глаголет и много писа слово от лица любостяжателя и от лица нестяжателя преточно»⁵⁶. Эти слова являются свидетельством того широкого резонанса, какой в условиях Русского государства XVI в. имела публицистическая деятельность Максима Грека, направленная против вотчинного быта монастырей.

⁵⁵ «Письмо о нелюбках». В кн. «Послания Иосифа Волоцкого», М.—Л., 1959, стр. 367; Ю. К. Бегунов. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 351, 355; «Послание Артемия к Ивану IV». РИБ, т. IV, СПб., 1878, стб. 1440; Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 53—56, 63—64.

⁵⁶ Зиновий Отенский. Истины показание..., стр. 890.